

Глава 82. Суд Круглого стола

Епископ слева хранил тяжелое молчание. Он понимал: любая реакция, будь то протест или попытка оправдаться, лишь окончательно выдаст его.

Если он начнет спорить, Ли Цзяньчуань сможет использовать свою власть, чтобы официально подтвердить его личность. Если признает — в этом уже не будет смысла. В этот миг полномочия «Невиновного» давали ему слишком сокрушительное преимущество.

Голос Ли Цзяньчуаня звучал подчеркнуто небрежно, но в нем чувствовалась острота бритвы. Он не сводил глаз с Епископа, фиксируя каждое мимолетное движение, каждую микрореакцию.

На самом деле, изначально его уверенность в личности противника лишь на восемьдесят процентов состояла из логики, а остальное было чистой интуицией.

Когда Ли Цзяньчуань увидел условие завершения второго раунда — «знакомая пуля», — в голове сразу возникла догадка. «Знакомая» означало, что он уже сталкивался с этим оружием или почерком стрелка. Единственный раз, когда во втором раунде по нему открывали огонь, был в лаборатории криминалистики, пока он изучал улики против Андре.

Окна лаборатории выходили на комнату наблюдения. Пуля была выпущена именно оттуда.

Сперва под подозрением оказались Боб и Джонни, но став прокурором и посетив Старого начальника, Ли Цзяньчуань заметил: кабинет того примыкает к комнате наблюдения. К тому же рука старика — намеренно или нет — постоянно оставалась в кармане, словно сжимая рукоять пистолета.

Был еще и Пит из морга. У него явно был напарник, а в игре «Пандора», где уровень доверия между игроками стремится к нулю, на реальное сотрудничество способны только те, кто вошел в игру в составе одной группы. В этом раунде Ли видел лишь одну такую команду: Епископа слева и двух его приспешников.

Добавим к этому торжествующую ухмылку Боба в финальном хаосе зала заседаний и Старого начальника, который так вовремя «нырнул» в толпу, якобы наводя порядок.

Епископ слева скрывался мастерски, его атаки всегда были точечными и своевременными. Но в этот раз Ли Цзяньчуань решил отплатить ему той же монетой.

Фраза, произнесенная им во время самовыдвижения, была намеренно двусмысленной. Она должна была вызвать подозрение у остальных и заставить их проголосовать против него. Из шести человек достаточно было двоих — включая его самого, — чтобы с высокой вероятностью оказаться на скамье подсудимых.

Успех был приятен, но даже провал не стал бы катастрофой. Ключевым моментом было то, что Ли Цзяньчуань уже имел догадки относительно миссии убийцы, и эта партия стоила того, чтобы пойти ва-банк.

Победив, он получил колоссальный рычаг давления. Например, возможность вскрыть личность Епископа. Если бы он ошибся, то ничего не потерял бы, но в случае успеха он сэкономил право «Невиновного» для других целей.

И, судя по всему, он не прогадал.

Епископ внешне не шелохнулся, но от взора агента Ли, привыкшего сканировать реальность с точностью прибора, не укрылось главное: спина оппонента натянулась струной, а большой и указательный пальцы едва заметно потерлись друг о друга. Эта мелкая деталь выдала всё — и вспышку тревоги от разоблачения, и титаническое усилие воли, направленное на сохранение спокойствия.

Это подтверждение стало фундаментом для самой важной и дерзкой гипотезы Ли Цзяньчуаня.

— Не стоит так нервничать, господин начальник, — медленно произнес он, отводя взгляд.

Будь он движим лишь жаждой мести, он бы немедленно использовал право «Невиновного» против Епископа, лишив того какого-нибудь важного органа и навсегда выбив из игры. Но у Ли были свои соображения насчет природы Круглого стола.

«Эта догадка не позволяет действовать импульсивно. Епископ слева нужен мне живым — пока что»

Ли Цзяньчуань намеревался выжать из этой власти максимум.

Убедившись в своих выводах через угрозы и проверку, он перевел взгляд на Рыцаря — того самого, что ранее произнес: «Когда я увидел куклу Барби во второй раз, я выполнил задание».

В этой фразе крылся подвох.

«Если вдуматься, она крайне странная. Выполнил во второй раз? А почему не в первый? Не захотел или не смог?»

Если во всех реальностях кукла находилась в доме Лауна, то при каких обстоятельствах Рыцарь видел её дважды, но в первый раз не сумел совершить задуманное?

Интуиция подсказывала Ли Цзяньчуаню: личность Рыцаря — ключ ко всему.

Он размышлял лишь мгновение, после чего решительно указал на фигуру:

— Я забираю глаза Рыцаря. И хочу знать его истинную личность...

Сидящий напротив игрок резко вскинул голову, в упор уставившись на Ли Цзяньчуаня. В ту же секунду черный капюшон и плащ на нем начали таять, словно иней под первыми лучами солнца.

Тень, служившая защитой, рассеялась, обнажая знакомые красноватые глаза. Они быстро тускнели, теряя блеск жизни, пока не превратились в пустые, безжизненные глазницы.

Лицо Рыцаря исказила судорога, а на губах проступила ледяная усмешка.

— Блестящий ход, Король. Надеюсь, мы еще встретимся в следующем раунде. Я приготовлю для тебя подарок... тебе понравится.

— Покорнейше благодарю, — Ли Цзяньчуань приподнял бокал с шампанским, салютуя поверженному врагу, и слегка прищурился.

Личность была одновременно и неожиданной, и вполне предсказуемой.

«Характерные красноватые глаза, дерганный, почти безумный взгляд...»

Рыцарем был Андре.

Но это был не тот Андре, которого он видел в сценарии прошлого этапа.

Если в своем сценарии Рыцарь занимал роль Андре, то кто же убил его, ведь по условиям квеста прикосновение к цели означало немедленную смерть? Могло ли в одном мире существовать два Андре одновременно?

Туман над Круглым столом, казалось, стал еще гуще.

Из тени, отбрасываемой белыми свечами, вновь донесся хриплый голос радио:

— Суд окончен. Переходим к наградам и наказаниям. Истина и справедливость никогда не зависят от воли смертных. Убийца вновь ускользнул, а невиновный взошел на эшафот... Грех продолжает свой марш...

Ли Цзяньчуань внимательно вслушивался в каждое слово, подмечая мельчайшие отличия в формулировках по сравнению с первым судом. Радио явно на что-то намекало.

— Судьи не смогли изобличить виновного. Наказание Круглого стола: лишение слуха в правом ухе!

Голос радио внезапно упал, превратившись в зловещий рокот, перемежающийся электрическим треском.

В правом ухе Ли Цзяньчуаня вспыхнула резкая, колющая боль, сопровождаемая невыносимым звоном. Он поморщился и коснулся ушной раковины — ладонь мгновенно окрасилась багровым.

Метод, которым Круглый стол забирал слух, был так же груб и прямолинеен, как и в случае с пальцами: барабанную перепонку просто разрывало изнутри. Однако игроки, добравшиеся до этого этапа, обладали сверхчеловеческой выдержкой. Кроме нескольких коротких, сдавленных стонов, никто не выдал своего состояния.

Кровь, стекающая по щеке к шее, была липкой и горячей. Ли Цзяньчуань невозмутимо вытер её салфеткой и, когда первая волна боли утихла, спокойно взялся за нож и вилку, продолжая прерванный ужин.

— Второе разбирательство завершено. Третье заседание объявляется открытым.

Радио продолжало чеканить слова. Ли Цзяньчуань прожевал кусок стейка и поднял глаза. Перед ним в воздухе возникла тонкая тетрадь.

Её страницы зашелестели, хотя в зале не было ни сквозняка, ни движения воздуха. В дневнике оказалось всего шесть листов, и на первый взгляд они казались абсолютно чистыми.

— Каждый судья должен выбрать одну из шести страниц. Она станет ключом к вашим Вратам Суда. В этом раунде количество Врат сокращено. Теперь их меньше шести — это значит, что как минимум двое игроков окажутся в одном сценарии. Вмешательства и искажения между мирами сохраняются.

— Ваш выбор определит лишь ваши Врата. Будьте осторожны.

— Миссия убийцы в этом раунде: «Уничтожить пропавшую Книгу Демона».

Радио издало короткий, леденящий душу смешок.

— Удачи вам.

Треск статики усилился, заглушая последние звуки, и радио замолчало. Над Круглым столом повисла мертвая тишина. Шестеро игроков застыли в своих креслах.

В этот раз информации было еще меньше. В первом раунде были письма, во втором — имена подозреваемых, теперь же перед ними лежали абсолютно пустые листы. Круглый стол методично отсекал любые подсказки.

Ли Цзяньчуань обвел взглядом присутствующих, отложил приборы и первым протянул руку, вырывая страницу. Раз логика бессильна, значит, всё зависело от чистой удачи — не имело значения, какой лист брать.

Как только бумага оказалась в его руках, на пустом поле начали проступать строки. Текст был написан неровным, детским почерком на английском языке:

«Господин Мод — настоящий гений! Я просто обожаю его!

Я пересмотрел все фильмы с его участием. У меня огромная коллекция дисков, я его самый преданный фанат! Я даже научился идеально копировать его жесты!

Как жаль, что он умер. Я никогда не смогу встретиться с ним вживую.

О нет.

Думаю, даже будь господин Мод жив, мама всё равно не выпустила бы меня из поместья. Я так ненавижу эту клетку, но не могу её покинуть.

В мире нет ничего хуже этого.

Наверное, мне суждено навсегда остаться одиноким и несчастным ребенком»

На первый взгляд — обычный дневник ребенка, одержимого кумиром. Но тон и выбор слов заставили Ли Цзяньчуаня насторожиться. В этих строках сквозила странная переменчивость, подавленная ярость и намек на глубокое душевное расстройство.

Вскоре все шесть страниц были разобраны. Дневник растаял в воздухе. Игроки использовали последние минуты, чтобы закончить трапезу.

Ровно в девять вечера реальность дрогнула.

Ли Цзяньчуаня с силой дернуло назад. Спина привычно коснулась холодной металлической стенки. Тусклый, давящий полумрак обеденного зала сменился ярким, стерильным светом кабины лифта. Стало немного легче дышать.

Он осмотрелся. Спустя пару секунд раздался тихий, мелодичный сигнал — «динь».

Индикатор над дверью мигнул, и движение кабины прекратилось. Ли Цзяньчуань поправил манжеты и перчатки. Когда створки разошлись, он привычным шагом направился по короткому коридору к двери, на которой висела тяжелая металлическая табличка.

Ли Цзяньчуань, не медля ни секунды, рванул ручку и шагнул в непроницаемую тьму.

В следующее мгновение он обнаружил себя стоящим посреди темного коридора, оформленного в старинном стиле. Ладонь ощутила жар — в руке он сжимал горящую белую свечу. Капля воска соскользнула вниз, застывая на черной коже перчатки.

Он огляделся. Коридор был бесконечно длинным, мрачным и абсолютно пустым. Ли Цзяньчуань удивленно приподнял бровь: начало казалось подозрительно нормальным.

Впрочем, иллюзия спокойствия тут же была разрушена буквами, медленно проступающими прямо в воздухе:

[Непредсказуемость человеческого сердца пугает даже демонов]

[В этом мире нет богов и призраков, но сознание определяет бытие]

[Мистика уже окружает тебя. Сталкиваясь с паранормальным, ты рискуешь материализовать его силой собственного страха]

[Выживи среди кошмаров и раскрой «Тайну Дома уединения» до закрытия выставки]

[В противном случае ты будешь поглощен демоном]

Сердце Ли Цзяньчуаня пропустило удар. Едва он закончил читать, как по позвоночнику пробежал неприятный холодок — верный признак надвигающейся беды.

И в ту же секунду за его спиной раздался едва слышный, крадущийся звук шагов.

<http://bllate.org/book/15871/1507330>